
МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

МЕМУАРЫ КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ И ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Н.Г. Георгиева

Кафедра истории России
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10-2, Москва, Россия, 117198

В статье анализируется место мемуаров как феномена отечественной культуры, процесс и средства внедрения мемуаров в общественную и научно-познавательную практику. Рассмотрено развитие взглядов российских историков по теоретико-методологическим проблемам источниковедческого изучения мемуаров. Показаны предложенные варианты и достигнутые итоги в выработке дефиниции «мемуары», изучении их видовых особенностей, принципов и схем систематизации мемуаров, а также критерии определения научно-познавательной их ценности как исторических источников.

Ключевые слова: мемуары, воспоминания, исторический источник, личностный характер восприятия событий, субъективность информации, В.С. Голубцов, С.С. Дмитриев, П.А. Зайончковский, С.С. Минц, Е.В. Тарле, А.Г. Тартаковский.

Слово «мемуары» вошло в русскую научную и бытовую терминологию через французский язык и от латинского слова «memoria» – память (1). Под мемуарами подразумеваются воспоминания или записки о прошлом, написанные участниками или современниками каких-либо событий, имеющими с точки зрения автора определенную познавательную культурологическую ценность и/или социально-политическую значимость. Как правило, мемуары создавались на основе личного опыта автора, его памяти, собственных впечатлений и чувств.

Очевидно, что поскольку мемуары писались по прошествии энного количества лет, у авторов могло произойти смещение акцентов или переоценка происходившего под влиянием изменившейся общественной обстановки и утраты точных сведений из-за возрастных провалов в памяти. Поэтому в ряде

случаев, добиваясь большей достоверности, мемуаристы использовали свои дневниковые заметки, эпистолярный, публицистические, делопроизводственные или иные документы, оставшиеся в личных архивах авторов.

В социокультурном аспекте мемуары представляют собой своеобразный феномен культуры, отражающий общественную активность людей прошлого, стремившихся запечатлеть события так, как они их восприняли и оценили. Создавая мемуары, их авторы не только фиксировали (закрепляли) информацию о событиях, участниками, свидетелями или наблюдателями которых они были, но и оставляли потомкам специфический письменный памятник прошлого, позволяющий изучать и обстановку в обществе в целом, и духовный мир отдельных индивидуумов, составляющих этот социум.

В литературоведческом аспекте мемуары сложились в особый художественный жанр, имеющий ряд разновидностей – собственно воспоминания, автобиографии, дневниковые записи, путевые записки, некрологи.

В источниковедческом аспекте мемуары – особый вид письменных исторических источников, отражающих понимание автором прошедшей действительности и его историческое самосознание, опирающееся на его общественные взгляды и политическую позицию. Важно учитывать, что в воспоминаниях ярко проявляется дуалистическая природа исторических источников. С одной стороны, мемуары фиксируют информацию о прошлом и, следовательно, являются его отражением, а, с другой – представляют собой часть (документальный остаток) той эпохи, в которой они возникали, и того времени, когда они публиковались, становясь известными широкому кругу читателей и выполняя при этом свою социальную (познавательную-информационную и публицистическую) функцию.

При источниковедческом изучении мемуаров центральным и дискуссионным является теоретико-методологический вопрос об их научно-познавательной ценности, а также методах использования их выраженной (актуальной) и косвенной (потенциальной) информации в исторических исследованиях. Необходимость объективного научного решения спорных теоретико-методологических проблем источниковедческого изучения мемуаристики нацеливает историков на исследование мемуаров отдельных авторов, что, в конечном итоге, будет соответствовать общему гуманистическому направлению современной отечественной историографии – персонализация истории – и способствовать воссозданию картины прошлого, насыщенной информацией о деятельности конкретных исторических лиц.

Научное изучение мемуаров как исторических источников началось на рубеже XIX–XX вв. Возросший интерес читающей публики к воспоминаниям отразился в их активной публикации не только в отдельных изданиях (книгах), но и на страницах исторических и научно-популярных журналов («Русский архив», «Исторический вестник», «Нива» и др.).

Одним из первых историков, отметивших в 1891 г. познавательную ценность мемуаров, был Н.Д. Чечулин. Он назвал их «драгоценнейшим ма-

териалом для изучения умственного и нравственного строя людей известного времени и общества», дающим «возможность понять отношение их к событиям их времени» (2).

Первый шаг в научном определении понятия «мемуары» был осуществлен в 1896 г. в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона: «мемуары» – записки современников о событиях, в которых они были участниками или очевидцами. Автор статьи также высоко оценил особую информационную ценность мемуаров, отмечая, что в одной их строке «разъясняется иногда то, что остается темным в целых фолиантах дипломатических нот и официальных бумаг» (3).

Революция 1905–1907 гг. и ослабление цензуры внесли свои коррективы как в историю введения мемуаров в научный оборот, так и в их изучение. Отдельными изданиями и в общественных журналах публиковались воспоминания участников освободительного движения (4). В них не только воспроизводились отдельные события политической жизни России, но и развертывалась полемика между мемуаристами и их современниками. Например, С.П. Мельгунов, участник и историк студенческого движения конца XIX в., критически проанализировал мемуары Н.П. Боголепова, ректора Московского университета в 1883–1887 и 1891–1893 гг. и министра народного просвещения в 1898–1901 гг. (5).

Итог работы дореволюционных исследователей мемуаров как исторических источников заключался в том, что они высказали первые предложения об определении понятия «мемуары», заложили основу позитивной оценки их информационного потенциала в сравнении с другими видами исторических источников.

В первые годы советской власти вплоть до начала 1930-х гг. не только среди историков, но и в обществе наблюдался всплеск большого интереса к мемуарам. Кроме воспоминаний участников революционного движения активно публиковались мемуары и дневники жандармов, чиновников и государственных деятелей царского режима (6). Публикации мемуаров таких авторов осуществлялись с особой идеологической целью – доказать антинародную сущность и неизбежность падения самодержавия.

Однако с середины 1930-х гг. под влиянием изменившейся эпистемологической ситуации возникло иное, можно сказать, скептическое отношение к мемуарам – считалось, что их информацию можно использовать лишь в качестве дополнения к сведениям источников других видов.

Ситуация изменилась лишь спустя несколько лет после окончания Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., вызвавшей так называемый мемуарный взрыв. Термин «мемуарный взрыв» употребляется применительно к ключевым событиям отечественной истории, вызвавшим создание большого количества воспоминаний: Отечественная война 1812 г., русские революции 1905 и 1917 гг., Великая Отечественная война 1941–1945 гг. (7).

В середине 1950-х гг., в связи с подготовкой к юбилеям революций 1905–1907 гг. и 1917 г., вновь расширилась публикация мемуаров. Были пе-

реизданы мемуары участников революционного движения, осуществленные в 1920-х гг. и ставшие к середине века библиографической редкостью, в научный оборот вводились ранее неизвестные воспоминания.

Археографическая деятельность сопровождалась усилением источниковедческой работы. В острых дискуссиях (8) наметились важнейшие вопросы теоретико-методического изучения мемуаров: определение понятия «мемуарный источник»; выделение его специфических видовых черт; эволюция воспоминаний и их классификация; место мемуаров в корпусе исторических источников; особенности методики изучения и использования мемуаров в исторических исследованиях.

В основе всех споров лежал ключевой вопрос источниковедения мемуаристики – проблема субъективности их информации. От его решения зависело определение научно-познавательной ценности мемуаров и, следовательно, отношение к ним историков. В частности, М.Н. Черноморский справедливо считал, что субъективность мемуаров не снижает их ценности как исторических источников и не должна препятствовать широкому использованию их информационного потенциала в исторических исследованиях (9).

Однако одновременно среди ряда историков возродилось мнение, что мемуары гораздо менее достоверны и ценны, чем другие источники. Так, Е.В. Тарле писал: «Коренная черта всей мемуарной литературы заключается в том, что у автора есть совершенно сознательное намерение показать читателю людей и их поступки лишь в известном освещении: выявить одно, скрыть другое, извратить третье» (10). Предвзятость (субъективность) мемуаров, по мнению Е.В. Тарле, является их имманентным признаком и недостатком. Следовательно, требуется настороженное, строго критическое отношение к мемуарам как к источникам с недостоверной информацией. Отметим, что, несмотря на такую оценку, сам Е.В. Тарле активно вводил в свои исследования много мемуаров отечественного и зарубежного происхождения.

В середине 1970-х гг. П. А. Зайончковский в предисловии к аннотированному указателю «История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях» уверенно утверждал: «...ценность мемуаров заключается в изложении фактической стороны описываемых событий, а не в оценке их, которая, естественно, почти всегда субъективна» (11).

С заключительными словами приведенной цитаты не поспоришь – они адекватно определяют своеобразие и имманентно присущее мемуарам свойство. Однако основная мысль автора о том, что ценность мемуаров как исторических источников заключается исключительно в точности передаваемых сведений, вызывает серьезные возражения. Поясним.

Указанный вывод приводил к тому, что при выяснении научно-познавательной ценности мемуаров историки сосредотачивали свое внимание на адекватности описания в них событий и новизне их фактографичности, т.е. на том, какие свежие или дополнительные сведения содержат исследуемые

мемуары по сравнению с другими источниками. Личностный взгляд мемуариста, его оценка излагаемых фактов как бы оставались «за кадром», не принимались во внимание из-за пресловутой субъективности и, следовательно, по мнению сторонников подобной точки зрения, малой достоверности информации, приводимой автором.

Несмотря на довольно широкую распространенность рассмотренной выше позиции, что приводило к сокращению использования мемуаров в исторических исследованиях, тем не менее, среди источниковедов сложилась группа ученых, целенаправленно занимавшихся исследованием мемуаров как исторических источников. Особый вклад в теоретико-методологическое изучение и использование воспоминаний внесли В.С. Голубцов, С.С. Дмитриев, А.Г. Тартаковский и С.С. Минц.

В.С. Голубцов в специальном курсе лекций, прочитанных на Историческом факультете МГУ в 1960–1970-х гг., и в учебном пособии о мемуарах советского времени изложил принципиально новый подход к решению вопроса о субъективности мемуаров как их негативного качества. Он спорил с историками, считавшими, что субъективность мемуаров не дает возможности их использовать наравне с другими источниками.

По его словам, «...место и значение мемуаров в ряду исторических источников определяется не их недостатками или наличием большого количества документальных, статистических и других материалов, а, в первую очередь, тем, что нового своеобразного дает этот тип (12) источника, насколько и чем обогащает наши представления об эпохе, деятельности людей и т.п.» (13).

В.С. Голубцов решительно протестовал против попыток некоторых историков противопоставить мемуары официальным документам. Он считал, что такая позиция «несостоятельна, ибо только запутывает вопрос о роли и значении воспоминаний, явно принижает доказательную ценность свидетельств участников событий... Появление подобного толкования, расценивающего мемуары как “иллюстрацию” к истории, объясняется непониманием самой природы исторического источника» (14).

В.С. Голубцов признавал, что пристрастность характерна для мемуариста, который «при всем желании не может избавиться в той или иной степени от субъективного отношения к описываемым событиям» (15). Однако, по справедливому мнению историка, эта особенность мемуаров не мешает использовать их материал в исторических исследованиях.

Линию высокой оценки познавательных возможностей мемуаров развивал в 1973 г. и С.С. Дмитриев, профессор Исторического факультета МГУ. В написанной им главе «Воспоминания, дневники, частная переписка» учебника «Источниковедение истории СССР» рассматривались многие теоретические и методические вопросы изучения мемуаров. По его мнению, они содержат незаменимые сведения об укладе, повседневной жизни, быте и нравах прошлого. Исследователь указывал, что мемуары, как и любой источник, имеют ряд недостатков – «в них нередко спутаны даты, смещены события,

поступки, действия одного лица приписаны другому» (16). Однако эти особенности мемуаров, как и других носителей информации, при условии осуществления научно-критического метода, не должны были препятствовать широкому использованию воспоминаний в исторических исследованиях.

Во втором издании этого учебника (1981 г.) С.С. Дмитриев продолжил рассмотрение теоретических проблем мемуаристики. В частности, он предложил свое определение мемуаров как особого вида исторического источника – «повествование, ведущееся по личной памяти мемуариста на основе собственных впечатлений о тех или иных событиях, которые ему представляются значительными, о событиях, в которых он сам участвовал или которые сам наблюдал» (17).

В главе уточнялись особенности методики изучения мемуарной литературы, подчеркивалась необходимость при анализе этих источников учитывать индивидуальные свойства автора, его мировоззрение, характер, политические убеждения. Указания С.С. Дмитриева, высказанные в популярном учебнике, имели большое теоретико-методическое и воспитательное значение. Они способствовали формированию нового поколения историков-источниковедов, занимающихся изучением мемуаров.

Ведущим специалистом в области исследования мемуаров стал А.Г. Тартаковский. В двух своих книгах (1980 и 1991 гг. (18)) он настаивал на усилении внимания к личности мемуариста, окружавшей его среды и того времени, когда создавались воспоминания. По его словам, «индивидуальное восприятие автором мемуаров социальной среды – такое их свойство, которым, конечно, нельзя пренебречь, но изменяется оно не само по себе, а опять же в силу каких-то “корневых” явлений общественной жизни, воздействующих на личность мемуариста...» (19).

А.Г. Тартаковский подчеркивал необходимость изучения самосознания автора мемуаров, так как оно чрезвычайно важно для понимания смысла текста. «Сравнительно с другими источниками личного происхождения именно в мемуарах с наибольшей последовательностью и полнотой реализуется историческое самосознание личности – в этом и состоит специфическая социальная функция мемуаров как вида источников» (20), – писал исследователь.

А.Г. Тартаковский впервые в отечественном источниковедении поставил проблему социальной функции исторических источников как классификационного видообразующего фактора и определил ее у мемуаров – сохранение, передача и оценка информации в соответствии с задачами и идейными воззрениями мемуариста.

А.Г. Тартаковский одним из первых среди историков выделил видовые признаки мемуаров, отличающие их от других видов источников.

Первый признак – «личностное начало». Главным действующим лицом является автор воспоминаний: «...весь рассказ о прошлом строится через призму индивидуального восприятия автора. Авторская субъективность предстает неотъемлемым свойством мемуаров...». Исследователь специаль-

но подчеркнул, что «упреки мемуаристов в субъективности есть не что иное, как посягательство на сами законы мемуарного жанра» (21).

Второй признак мемуаров – ретроспективность, так как «они всегда возникали после описываемых в них событий и всегда обращены в прошлое» (22). Причем А.Г. Тартаковский подчеркивал, что «отношение мемуариста к событиям в период их свершения и в момент создания мемуаров не всегда совпадает» (23).

Третий признак, важный в источниковедческом изучении мемуаров, – память – способность мемуарных источников сохранять информацию о моментах прошлого, т.е. выполнение ими их социальной функции.

Наблюдения А.Г. Тартаковского имели большое значение для решения важнейшей проблемы теоретического источниковедения – вопроса о классификации исторических источников, основанной на прагматическом аспекте социальной информации.

Продолжая свои исследования, А.Г. Тартаковский в 1991 г. рассмотрел вопрос об эволюции мемуарного жанра. Он предлагал выделить следующие тенденции:

«1. Переход от внутрисемейных по преимуществу целей мемуаротворчества к предназначению мемуаров для обнародования, для печати.

2. Превращение их в фактор идейно-политической борьбы и литературно-общественного движения.

3. Осознание значимости мемуаров для исторического познания и включение в их целевую установку расчета на будущего историка» (24).

Однако исследователь признавал, что границы этих «вех» очень размыты, и этот сюжет не получил у него законченного решения, так же, как и у С.С. Минц, впервые поставившей проблему изучения эволюции мемуарных источников еще в 1979 г.

Пытаясь решить указанную проблему, она особое внимание уделяла одному из отличительных признаков мемуаров, которые определяют их видовое своеобразие – субъективность восприятия и передачи информации. С.С. Минц пришла к справедливому выводу о том, что «как раз субъективная природа мемуаров и может служить основой для обобщающей характеристики источников данного вида» (25).

Она подчеркивала, что действительность отражается в источнике мемуарного характера именно через призму восприятия мемуариста и этот аспект определяет не только специфику мемуаров как исторических источников, но и, что особенно важно, повышает их познавательное значение. «Субъективная природа мемуарной литературы, понятая как степень осознания мемуаристом собственного «я» и межличностных отношений, в которые включается автор мемуарного источника, может служить ведущим признаком при определении ценности данного источника, его места в ряду других источников, при использовании в конкретно исторических исследованиях, при учете его потенциальных возможностей как источника определенного вида» (26).

В работе 2000 г. (глава «О субъективной природе как видовом свойстве источников мемуарного характера») С.С. Минц уточняла, что «субъективная природа мемуаров связана с отражением в них самосознания мемуаристов, поэтому именно эта черта может служить основой для обобщающей характеристики источников данного вида» (27).

Разрабатывая общетеоретическую проблему классификации исторических источников, С.С. Минц сформулировала характерные свойства мемуаров как источников особого вида. Среди них:

а) «различная степень осознания социокультурной роли и общественной значимости отдельной личности»;

б) «осознание включенности индивидуума в межличностные отношения различных уровней»;

в) «личностный характер восприятия и отображения этих отношений».

Личностный характер изложения информации, усугубленный образностью восприятия, иногда переходит, по меткому наблюдению С.С. Минц, в беллетризацию и публицистичность, «которая бывает так высока, что источник приобретает пропагандистскую направленность». С.С. Минц отметила и еще одно, часто встречающееся, специфическое свойство мемуаров – их документализацию, выражающуюся в приведении (цитировании) документов, нацеленном на усиление и повышение общественной значимости автора (28).

Таким образом, по мнению С.С. Минц, мемуары являются результатом саморефлексии индивида (автора мемуаров), его стремления показать свою общественную роль и место в исторических событиях.

Наблюдения С.С. Минц важны с методической точки зрения при определении аспектов, необходимых при изучении мемуаров. Главное при этом, по мнению исследовательницы, – содержательно-семантическое качество мемуаров, которое позволяет осуществить группировку источников данного вида.

Она делит мемуары на:

– «источники, отразившие выделение самосознания личности из социального окружения вплоть до полного противопоставления личности мемуариста определенной социальной группе»;

– «источники, отражающие осознание включенности индивидуума в межличностные отношения...» и «принадлежность» к корпоративно-замкнутой социальной общности;

– «источники, авторы которых могут соотнести себя и свою жизненную позицию с классом или классовыми интересами»;

– «источники, показывающие, что личность соотносит свою жизненную позицию с позицией своей социальной группы и общенациональными интересами» (29).

Заметим, что указанная систематизация опирается на целевой и социально-корпоративный критерий, но не на содержательно-семантический, как считала ее автор.

Впрочем, можно согласиться с идеей С.С. Минц о возможности использования семантического аспекта социальной информации при систематизации мемуаров и их группировки по тематическому принципу. Кроме того, предложения С.С. Минц нацеливают исследователей на определение не только идейно-политического мировоззрения мемуариста, но и его соотношения себя с окружавшим его миром, с современниками и их корпоративными интересами.

Еще один подход историков к определению мемуаров как исторических источников отражен в коллективной работе «Источниковедение. Теория. История. Метод. Источники российской истории» (1998 г.). Авторы учебника подчеркнули, что не могут ограничиться утвердившейся в источниковедческой литературе дефиницией: «мемуары – повествования о прошлом, основанные на личном опыте и собственной памяти автора» (30).

Предложенная в учебнике новая (не видовая) трактовка особенностей мемуаров опирается на два критерия – принцип происхождения автора и выполняемая мемуарами социальная функция. Поэтому в учебнике мемуары отнесены к широкой группе исторических источников личного происхождения, «функцией которых является установление межличностной коммуникации в эволюционном и коэксистенциальном целом и авторской коммуникации. Они наиболее последовательно воплощают процесс самосознания личности и становление межличностных отношений. К источникам личного происхождения относятся дневники, частная переписка (эпистолярные источники), “мемуары-автобиографии”, мемуары – “современные истории”, эссеистика, исповеди» (31).

Весь комплекс источников личного происхождения авторы учебника разделили на две группы. Первая состоит из автокоммуникативных источников (дневники) и материалов межличностной коммуникации. Вторая группа делится на источники с фиксированным адресатом (эпистолярные источники, отчасти «мемуары-автобиографии», адресованные собственным потомкам мемуариста) и произведения с неопределенным адресатом (мемуары – «современные истории», эссеистика, исповеди).

С одной стороны, позиция авторов учебника, выразившаяся в главах о мемуарах в отказе от видового принципа классификации исторических источников, основанной на прагматической стороне исторической информации и выполняемой источником социальной функции, не может не вызвать возражений, прежде всего потому, что такой подход не соответствует, противоречит композиционному построению книги: значительная часть глав охватывает важнейшие виды источников (законодательные и делопроизводственные материалы, акты, статистика, публицистика и т.д.). На этом фоне нелогично выделение глав, материал которых скомпонован по принципу происхождения источников («Материалы фискального, административного и хозяйственного учета». – С. 408–427; «Источники личного происхождения». – С. 466–487, 634–647; «Источники российской эмиграции». – С. 648–666). Представляется, что учебное

пособие или учебник должны выстраиваться по единому системообразующему принципу, что соответствует законам логики. Выбор видового принципа распределения источников придал бы книге более четкую (логичную) структуру и, главное, позволил бы «развести» по отдельным главам разные виды исторических источников: в данном случае – мемуары и эпистолярный.

С другой стороны, нельзя не согласиться с предложениями, высказанными в учебнике, относительно специфических особенностей разных групп мемуаров, обладавших различной целевой направленностью.

«Мемуары-автобиографии» обычно отражают включенность мемуариста в череду поколений, в «эволюционное целое». Такие мемуары преследуют чаще всего внутрифамильные цели, предназначаются непосредственным потомкам. Для них характерен произвольный отбор информации в соответствии с индивидуальными представлениями мемуариста. Для примера чисто семейных мемуаров, написанных для потомков, приведем воспоминания о Софье Федоровне Рерберг (урожденной Москвиной), написанные ее мужем Иваном Федоровичем Рербергом, инженером-путейцем, директором Нижегородской железной дороги (32).

В мемуарах, которые авторы учебника по источниковедению 1998 г. обозначили как «современные истории», объектом описания является не столько сам мемуарист, сколько современные ему события. Они «преимущественно направлены на воссоздание коэксистенциального мемуаристу целого» (33). Их цель – индивидуальная фиксация и оценка автором общественно значимых событий. Для примера приведем мемуары С.Ю. Витте, Г.К. Жукова, А.Ф. Керенского и авиаконструктора Г.А. Черемухина (34).

Подводя итоги источниковедческого изучения мемуаристики, отметим, что оно продолжалось чуть более века; что в этом процессе наблюдались спады и подъемы интереса к воспоминаниям; и что в результате был накоплен значительный теоретико-методологический, методический и информационный материал.

После длительных дискуссий в отечественной источниковедческой литературе сложилось два направления научного подхода к мемуаристике.

Первый – конкретно-исторический. Его представители рассматривали мемуары исключительно как носитель ретроспективной фактографической информации, которую с осторожностью можно использовать для расширения и дополнительной иллюстрации сведений, почерпнутых в источниках других видов.

Второй – историко-типологический. Его сторонники извлекали из мемуаров не только ретроспективную (выраженную), но и синхронную (косвенную, ненамеренную) информацию, характеризовавшую и самого автора, и окружавшую его обстановку (35).

Первый подход характерен для советского источниковедения до 1970-х гг., второй получил особое развитие в конце 1970–1980-е гг. и преобладает в источниковедении в настоящее время.

Нетрудно заметить, что большинство исследователей признавало субъективность информации мемуаров как их видовое свойство. Однако историки по-разному расставляли акценты при характеристике этой особенности мемуарных источников. Спектр предложений был довольно широким.

Одни преувеличивали негативное влияние субъективности авторских оценок и рекомендовали использовать только объективную информацию воспоминаний, проверяемую с помощью сведений из источников других видов.

Другие предлагали не утрировать предвзятость (субъективизм) взглядов мемуариста и использовать ее для более глубокого понимания как характера и мировоззрения автора, так и окружавшей его обстановки, эпохи и целей создания воспоминаний.

Основные достижения отечественного источниковедения мемуаристики: дано обоснование дефиниции термина «мемуары»; созданы различные варианты классификации мемуаров; определены их видовые особенности; выделены основные параметры, необходимые при источниковедческом изучении мемуаров.

Наиболее существенный вывод – признано, что при определении научно-познавательной ценности мемуаров их имманентная субъективность не должна считаться недостатком, препятствующим их использованию в исторических исследованиях. Наоборот, субъективные взгляды мемуаристов, выделенные как составная часть информации мемуаров, повышают ценность воспоминаний как исторических источников, поскольку она обеспечивает возможность рассмотрения значительно более широкого спектра вопросов, чем это отражено в выраженной (актуальной) информации.

В целом, доказано, что мемуары – ценный исторический источник, имеющий дуалистическую природу: с одной стороны, они имеют документальный характер как остаток (воплощение части) старины, а с другой – они являются нарративным (повествовательным) источником, отражающим отдельные аспекты культуры прошедших эпох. Это качество мемуаров создает прочную основу для изучения прошлого, его культуры, мыслей и чувств давно живших людей, что и составляет цель научного исторического познания.

Выработанные в литературе теоретико-методологические и методические предложения следует учитывать как при изучении мемуаров, так и при их использовании как исторических источников.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) См.: БСЭ. – 3-е изд. – М., 1974. – Т. 16. – С. 64.
- (2) См.: *Чечулин Н.Д.* Мемуары, их значение и место в ряду исторических источников. Вступительная лекция, читанная в Санкт-Петербургском университете 22 января 1891 г. перед началом курса «Русские мемуары XVIII в.». – СПб., 1891. – С. 10.
- (3) Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. – СПб., 1896. – Т. XIX. – С. 70.

- (4) См. например: *Анисимов А.И.* Князь С.Н. Трубецкой и московское студенчество // Вопросы философии и психологии. – 1906. – Кн. 1 (81). – С. 146–196; *Щетинин Б.А.* В Московском университете (Из недавнего прошлого). – М., 1906; *Титов А.А.* Из воспоминаний о студенческом движении 1901 г. – М., 1906; *Триго-ни М.Н.* Мой арест в 1881 г. // Былое. – 1906. – № 3. – С. 76–77; *Иорданский Н.* Миссия П.С. Ванновского (из воспоминаний о студенческом движении 1899 года) // Былое. – 1907. – № 9. – С. 83–133; Из воспоминаний об аграрном движении 1902 г. в Полтавской губернии: Рассказ потерпевшего // Исторический вестник. – 1908. – Т. 112. – № 4. – С. 163–188; *Баженев Н.* Как у нас произошло аграрное движение: Записки крестьянина // Русское богатство. – 1909. – № 4. – С. 97–120.
- (5) См.: *Боголепов Н.П.* Страница из жизни Московского университета. Из записок профессора Боголепова. – М., 1911; *Мельгунов С.П.* Московский университет в 1894 г. (по поводу воспоминаний профессора Боголепова) // Голос минувшего. – 1913. – № 5. – С. 182–218.
- (6) См.: История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях: Аннотированный указатель книг и публикаций в журналах. – М., 1984. – Т. 4. – Ч. 2: 1895–1917. – С. 5–438.
- (7) См.: *Колесникова Л. А.* Историко-революционная мемуаристика (1917–1935 гг.) как массовый источник по истории русских революций: Методика количественного анализа. – М., 2005.
- (8) Примером может служить дискуссия об особенностях мемуаров, прошедшая между К. Симоновым и П. Жилиным в журнале «Красная звезда» за 1960 г.
- (9) См.: *Черноморский М.Н.* Мемуары как исторический источник: учебное пособие по источниковедению СССР. – М., 1959; *Он же.* Мемуары как источник по истории советского общества // Вопросы истории. – 1960. – № 12.
- (10) *Тарле Е.В.* Значение архивных документов для истории // Вестник архивоведения. – 1961. – № 3. – С. 102.
- (11) История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. – М., 1976. – Т. 1. – С. 6.
- (12) Не возражая против основной идеи В.С. Голубцова, отметим, что в современной классификации исторических источников, основанной на прагматическом (целевом) аспекте информации, мемуары рассматриваются как «вид», а не «тип» источников. Типологическая классификация подразумевает иной, синтаксический аспект информации (подробнее см.: *Голиков А.Г., Круглова Т.А.* Источниковедение отечественной истории. – М., 2000. – С. 6–7).
- (13) *Голубцов В.С.* Мемуары как источник по истории советского общества. – М., 1970. – С. 46.
- (14) Там же. – С. 47.
- (15) Там же. – С. 49.
- (16) Источниковедение истории СССР. – М., 1973. – С. 237.
- (17) Источниковедение истории СССР: Учебник / Под ред. И.Д. Ковальченко. – М.: Высшая школа, 1981. – 2-е изд., перераб. и доп. – С. 343.
- (18) См.: *Тартаковский А.Г.* 1812 год и русская мемуаристика. – М., 1980; *Он же.* Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в.: От рукописи к книге. – М., 1991.
- (19) *Тартаковский А.Г.* Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в.: От рукописи к книге. – С. 10.
- (20) *Тартаковский А.Г.* 1812 год и русская мемуаристика. – С. 24.
- (21) Там же. – С. 27.
- (22) Там же. – С. 29.

- (23) Там же. – С. 30.
- (24) *Тартаковский А.Г.* Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в. – С. 16.
- (25) *Миц С.С.* Об особенностях эволюции источников мемуарного характера (к постановке проблемы) // *История СССР*. – 1979. – № 6. – С. 60.
- (26) Там же.
- (27) *Миц С.С.* Российская мемуаристика последней трети XVIII – первой трети XIX вв. в контексте историко-психологического исследования. Дисс. ... д.и.н. – Краснодар, 2000. – С. 160.
- (28) Там же. – С. 162.
- (29) Там же. – С. 165.
- (30) *Источниковедение. Теория. История. Метод. Источники Российской истории*. – М., 1998. – С. 321.
- (31) Там же. – 466.
- (32) См.: *Рерберг И.Ф.* Памяти Софии Федоровны Рерберг. – М.: Мамонтов, 1883.
- (33) *Источниковедение. Теория. История. Метод. Источники Российской истории*. – С. 321.
- (34) См.: *Витте С.Ю.* Воспоминания. – М., 1960. – Т. 1–3; *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. – М., 1980; *Керенский А.Ф.* Россия на крутом повороте: Мемуары. – М., 1993; *Черемухин Г.А.* Дальше. Выше. Быстрее: Воспоминания о работе в авиапромышленности, о технике и ее создателях / Под ред. Н.Г. Георгиевой. – М., 2010.
- (35) См.: *Тартаковский А.Г.* 1812 год и русская мемуаристика; *Дмитриев С.С.* Мемуаристика как феномен культуры (О книге А. Г. Тартаковского «1812 год и русская мемуаристика. Опыт источниковедческого изучения» // *История СССР*. – 1981. – № 6. – С. 125–126; *Арефьева И.Г.* Воспоминания русских литераторов-символистов как исторический источник (Проблема методики использования мемуаров в историко-культурологических исследованиях). – М., 1989. – С. 4.

MEMOIRS AS CULTURE PHENOMENON AND HISTORICAL SOURCE

N.G. Georgieva

Department of Russian History
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya Str., 10-2, Moscow, Russia, 117198

The article analyzes the role of memoirs as the native culture phenomenon, process and means of introducing memoirs to the social and scientific and educational practice. The author considers the Russian historians' views development on theoretical and methodological problems of memoirs studies. There are shown the offered variants and achieved results of development of defining «memoirs», studies of their specific peculiarities, principles and schemes of memoirs systematization as well as the criteria of defining their scientific and educational value as historical sources.

Key words: memoirs, reminiscences, historical source, personality nature of events perception, information subjectivity, V.S. Golubtsov, S.S. Dmitriev, P.A. Zaionchkovsky, S.S. Mints, E.V. Tarle, A.G. Tartakovsky.